ПУШ

ТОМ ПЕРВЫЙ

СЕРГЕЙ АФОНИН

Сергей Афонин

Пуш. Том 1: Перерождение в новое тело

https://litres.ru/74860473
SelfPub; 2026

Аннотация

Кирилла убили в самом обычном мире — без магии и пророчеств, посреди дождливой улицы. А очнулся он в другом теле: маленьком, белом и плюшевом, с листочком-хохолком и тёплым огоньком Живи в груди.

Теперь он — Пуш. Его новый дом — бесконечный лес корней, где охотится Корнехват, золотые споры дают силу, а внутренний голос по имени Лад отвечает обрывками фраз. Тело умеет упруго меняться, но каждое чудо имеет цену.

Где-то в темноте уже зажглись три огонька на одной линии — и что-то большое проснулось под корнями.

«ПУШ» — эпическая и трогательная сага о самом маленьком герое большого мира. 12 томов, 240 серий.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Сергей Афонин
Пуш. Том 1: Перерождение в новое тело

Глава 1

Глава 1. Последний ход

Конь стоял на краю доски и делал вид, что всё идёт по плану.

Кирилл держал чашку остывшего кофе в двух пальцах и изучал позицию уже секунд двадцать, что по нининым меркам являлось признанием поражения. Она это знала. Он знал, что она знает. Но сдаваться раньше времени противоречило правилам, которые он сам для себя придумал лет десять назад и с тех пор героически соблюдал, в основном проигрывая.

«Если пойдёшь сейчас, потеряешь слона». Нина не подняла глаз от доски. «Если не пойдёшь, потеряешь моё терпение».

«Я обдумываю стратегию».

«Ты обдумываешь, как не проиграть через четыре хода».

«Через пять».

Он поставил чашку и передвинул коня. Ошибку увидел

раньше, чем убрал палец: фигура встала на клетку, которую простреливал её слон, скромно стоявший на своём месте с самого дебюта и терпеливо ждавший своего часа. Нина забрала коня коротким движением, почти без удовольствия. Профессионально, как сантехник откручивает гайку.

«Вот теперь можно жить дальше». Она позволила себе довольную паузу длиной в полсекунды, не больше.

«Не торопи события. У меня ещё есть очень сильный план».

«Который ты придумал только что?»

«Нет. Просто раньше я его проверял на другой доске. В голове».

Нина рассмеялась и откинулась на спинку стула, привычным жестом заправив за ухо светлую прядь. Вечер выдался прохладный, и она сидела в его старой серой кофте поверх голубого платья, потому что на кухне всегда тянуло от рамы, а Кириллу было лень менять уплотнитель. Он собирался три недели. Уплотнитель лежал на антресолях, в пакете, рядом с четырьмя другими пакетами хороших намерений.

За окном моросил дождь. На подоконнике тикали часы, механические, чужие: он взял их починить у соседки сверху, починил за вечер и четвёртый месяц не мог вспомнить, чтобы отнести. Пахло кофе, поджаренным хлебом и чем-то сладким, что Нина принесла в пакете и называла «рулетом», хотя по виду это была скорее архитектурная ошибка с корицей.

«Кстати, рулет ты не тронул». Она кивнула на блюдо. «Обижаешь».

«Я берегу его на случай, если позиция станет совсем безнадёжной. Съем и умру достойно».

«Позиция стала совсем безнадёжной ещё на восьмом ходу».

Она говорила это каждый раз с новым номером хода, и Кирилл подозревал, что однажды услышит «ещё на первом», и это будет чистая правда.

Нина научилась играть у деда и обыграла Кирилла в первый же вечер знакомства, четыре года назад, когда принесла в сервис бабушкин радиоприёмник. Мастер в фирменном жилете, то есть Кирилл, вместо положенного «не ремонтируется, но у нас есть новые модели» вскрыл корпус и за десять минут оживил его заменой одного конденсатора.

Она вернулась через неделю с пирогом и шахматами. Пирог закончился ещё тогда, а шахматы почему-то остались.

Теперь она работала в приёмном покое и решала за смену больше, чем он за месяц. Может, поэтому её так раздражала его манера ждать: там, откуда она приходила по вечерам, ждать идеального момента было нельзя категорически.

Между шахматной доской и сахарницей лежала раскрытая тетрадь. Чертежи, колонки примечаний, список деталей с вычеркнутыми позициями. Нина потянулась через стол и коснулась страницы пальцем, аккуратно, чтобы не смазать карандаш.

«Лучше бы ты свою коробочку закончил, а не мучил шахматы».

«Модуль».

«Коробочку с дипломом», поправила она привычно. Это был их старый спор: он называл вещи точными словами, она называла их честными.

Кличка прижилась с тех пор, как Кирилл однажды признался, что относится к модулю как к дипломной работе, которую никто ему не задал: защитишь — и станешь настоящим. «Ты и так настоящий», сказала тогда Нина, и он сделал вид, что не расслышал, потому что на такие реплики у него не было готовых ответов.

«Сколько уже можно её собирать? Год?»

«Десять месяцев».

«Уточнение не в твою пользу».

Кирилл провёл пальцем по краю тетради. Улыбка у него была готовая, отрепетированная, но держалась она хуже обычного.

«Третий прототип почти готов. Осталось проверить последний режим».

«Ты это говорил месяц назад».

«Месяц назад он не был готов».

«А сегодня?»

«Сегодня он почти готов».

Нина смотрела на него долго, с тем зелёным прищуром, который у неё означал: сейчас я скажу вещь, а ты сделай вид,

что слышишь её впервые.

«Ты понимаешь, что идеального момента не будет?»

«Будет. Когда устройство заработает».

«Нет. Идеальный момент — это когда ты наконец решишься открыть мастерскую. Даже с неидеальной коробочкой. Даже если она будет диагностировать только чайники».

«Она диагностирует любую технику с контроллером».

«Чайники с контроллером», согласилась Нина и пододвинула к себе рулет.

Он хотел возразить и не стал, потому что в главном она была права. Модуль задумывался просто: маленькая коробка, которую подключаешь к сломанной вещи, и она говорит, что именно внутри умерло. Не «несите в сервис», не «проще купить новую», а конкретно: вот этот узел, вот поэтому, вот это можно починить за час и горсть деталей с радиорынка.

Кирилл знал, сколько живой техники уходит на помойку из-за одной пары слов «не ремонтируется», сказанных ленивым человеком в фирменном жилете. Сам он когда-то был таким человеком в таком жилете. Уволился после того, как начальник объявил: «План у нас теперь не по ремонту. План по уговорам клиентов на новую покупку».

Свою мастерскую он видел так ясно, что иногда ловил себя на выборе цвета вывески. Место, куда люди приносили бы сломанные вещи и слышали «давайте разберёмся». Он даже адрес присмотрел: полуподвал на Восьмой линии, дешёвый, сырый, с окном на уровне чужих ботинок. Ходил мимо него

дважды в неделю, маршрутом подлиннее, и делал вид, что так короче.

Между этой картинкой и первым шагом всегда находилась ещё одна маленькая деталь. Конденсатор не той ёмкости. Прошивка, зависающая на холодном старте. Третий прототип, который «почти готов».

«Завтра проверю», сказал он.

«Принеси плату». Нина отрезала себе рулета ножом, потому что угощение в этом доме распиливали, а не отламывали. «Просто принеси. Даже если она опять задымит. Особенно если задымит: я хочу посмотреть».

«Дым — это часть отладки».

«Дым — это то, чем пахла вся моя лестничная клетка в прошлый раз. Баба Валя с третьего этажа до сих пор здоровается с тобой через зубы».

«Баба Валя ни с кем не здоровается иначе».

«С тобой принципиально иначе».

Он усмехнулся.

«Договорились».

Партию он доиграл из упрямства. Ферзя у него забрали без обсуждений, ладью обменяли так, что выгоднее вышло ей, и в эндшпиле Кирилл двинул вперёд крайнюю пешку, одинокую, как пионер. Пешка дошла аж до шестой горизонтали, что было её личным рекордом, и там закончилась.

«Знаешь, за что я с тобой играю?» Нина вертела в пальцах его погибшую пешку и не смотрела на него. «Ты не сдаёшь-

ся. Совсем позиция мусорная, мат через четыре хода, а ты сидишь, думаешь, ищешь. Мне это нравится. А вот начинать ты не умеешь. Доигрывать умеешь, начинать нет».

Он открыл рот, чтобы сослаться на узел синхронизации, и закрыл. На такие реплики у него опять не нашлось готового ответа.

Проиграл он через четыре хода, а не через пять. Нина занесла результат в маленький блокнотик в клетку, который вела уже два года. Счёт был унизительный, и она утверждала, что держит его исключительно ради статистики, а не ради ежегодного чтения вслух.

Перед уходом она постояла в дверях, натягивая куртку поверх платья. В прихожей было тесно, и её рукав задел полку: покачнулась жестяная коробка с радиодеталями, не упала.

«И ещё. Я видела объявление на последней странице». Она не уточнила, какой тетради, потому что тетрадь была одна, и оба это знали. «Полуподвал, Восьмая линия, обведено дважды. Позвони хозяину. Не завтра. Вообще».

«Он может быть занят».

«Он может быть занят ровно до тех пор, пока ты не позвонишь». Нина произнесла это с терпением человека, объясняющего закон Ома двери. «Это телефонный звонок, Кирилл. Не обручение».

«Завтра в семь. Если опять засидишься, приду и вытащу тебя за ухо. У меня опыт».

«У меня паяльник».

«У меня ухо-держательная хватка». Она придержала дверь и посмотрела на него чуть дольше, чем требовал прощальный протокол. «Принеси коробочку, Кирилл. Рабочую или дымящую. Мне всё равно, в каком виде, лишь бы ты её донёс».

Дверь закрылась, и кухня сразу стала на треть пустее. Кирилл собрал фигуры в мешочек, поставил доску на полку. Тетрадь оставил раскрытой на странице, где вечером вывел поперёк чертежа четыре слова: «завтра. без дураков. правда».

* * *

Утро в мастерской пахло канифолью и вчерашним кофе.

Комната на первом этаже старого фонда была маленькой и забитой до такой степени, что закон сохранения вещества в ней вызывал сомнения. Полки с разобранной техникой. Коробки с подписанными перемычками. Три паяльные станции разной степени живучести, из коих полностью живучей была одна, и та по праздникам.

На подоконнике стоял маленький приёмник: работать в тишине Кирилл не умел, тишина заставляла его думать, а думать заставляла работать, и он давно перестал разбираться, где тут причина. Приёмник бормотал что-то про погоду и про курс валют, и Кирилл слушал его ровно настолько, чтобы не слышать собственных мыслей.

На стене висел лист ватмана со схемой модуля, облепленный липкими бумажками, и каждая бумажка означала «это

я ещё не решил».

На столе под лампой лежал третий прототип. Матовая плата размером с половину ладони, четыре разъёма, аккуратные дорожки. Кирилл травил её сам, в тазике, на балконе, и к краям всё равно уходила волна, которую он каждый раз обещал себе больше не стыдиться. Два первых прототипа лежали в ящике: один сгоревший, один разочаровавшийся в жизни.

Диплома у него не было. Была районная библиотека, форумы, где его знали по ночным разборкам чужих схем, и дедушкин паяльник с деревянной ручкой, переживший три страны и одну перестройку. К двадцати годам Кирилл чинил всё, что гудит. К тридцати понял, что чинит он на самом деле не вещи, а чужое расстройство, и что это единственная работа, после которой ему не стыдно смотреть в зеркало.

Он включил питание. Индикатор моргнул, подумал, загорелся ровным зелёным.

«Так», сказал Кирилл вслух. В мастерской разговаривать с техникой было не зазорно. Зазорно было с ней спорить и проигрывать.

Первый режим прошёл чисто. Второй чисто. Первый режим слушал вещь, второй сверялся с таблицами типовых отказов, которые Кирилл собирал полгода по сервисным мануалам и по собственным старым заказам.

Третий, диагностический, должен был соединять одно с другим и выдавать ответ человеческим языком: «умер вот

этот узел, и вот почему». Это был тот самый режим, из-за которого прототип номер два выпустил дым и вместе с ним большую часть его уверенности.

Сейчас третий держался двенадцать секунд. Потом на экране осциллографа поплыла дрожь на линии данных. Ровная, настойчивая. Как тиканье чужих часов на кухне.

Кирилл снял очки, потёр глаза, надел обратно. Дрожь никуда не делась.

Он мог бы остановиться здесь. Два режима из трёх — это уже не «коробочка», это почти продукт. Нина сказала бы: «Неси как есть». Но дрожь на линии означала, что устройство будет врать ровно в тех случаях, когда врать нельзя: на границе между живым и мёртвым, там, где решается, чинить вещь или хоронить. Он знал это место слишком хорошо, чтобы подписывать на нём свою фамилию.

К обеду он заменил узел синхронизации. К трём перебрал контакты, которые и так были в порядке, просто чтобы руки занимались делом, пока голова спорила сама с собой.

В перерыве заглянул дед Аркадий из дома напротив и притащил радиоприёмник «Сигнал», возрастом примерно с Кирилла.

«Опять не говорит», объявил дед. «Но ты не думай, он стеснительный. Дома он говорит. Через раз».

Кирилл вскрыл корпус, покрутил, нашёл отвалившийся контакт на питании и припаял его за четыре минуты. Приёмник ожил посреди стола и загудел кухней глухим барито-

ном. Дед Аркадий слушал его с гордостью человека, чей пёс отличился на выставке.

«Сколько с меня?»

«С вас принести его обратно домой в сухом виде. На улице дождь».

Дед ушёл, прижимая «Сигнал» к груди, как грудного. Кирилл смотрел ему вслед и думал, что вот оно: четыре минуты, одна капля припоя, и вещь, которую дважды чуть не выбросили, снова говорит. Мастерская из его картинок начиналась ровно с таких четырёх минут. Оставалось только снять полуподвал, повесить вывеску и перестать ждать, пока жизнь выдаст ему на это официальное разрешение с печатью.

Объявление о полуподвале лежало у него в тетради, на последней странице, обведённое дважды. Аренда смешная, сырость лечится, проводку он вытянет сам. На полях шёл расчёт: сколько ремонтов в месяц закрывают аренду, сколько закрывают ещё и кофе. Цифры сходились уже в третьем варианте, а он всё пересчитывал, потому что пересчитать было безопасно, а позвонить хозяину — нет. Позвонишь, и дальше уже не получится притворяться, что ты «ещё готовишься».

К шести дрожь на линии сократилась вдвое, но не исчезла. Он записал в тетрадь: «источник не в узле. Искать на земле. Завтра».

Слово «завтра» он написал и замер, глядя на него.

Вчерашнее «завтра. без дураков. правда» лежало страницей раньше. А ещё страницей раньше, месяц назад, видне-

лось то же слово с двумя восклицательными знаками. Тетрадь, выходило, умела считать не хуже нининого блокнота, и счёт был тоже не в его пользу.

Он закрыл тетрадь. Выключил лампу, постоял в темноте, слушая, как остывает паяльная станция: тихие щелчки металла, один, другой, третий. Потом вернулся, раскрыл тетрадь и приписал к слову «завтра» время: «10:00». Так оно становилось не обещанием, а записью в журнале. Записи в журнале он не нарушал. Почти.

Уже у двери он сунул в сумку плату, завёрнутую в антистатический пакет и для верности в полотенце. Показать Нине два рабочих режима. Пусть третий дымит у неё на глазах, она просила посмотреть.

Телефон пискнул. Нина: «не забудь, что я знаю, где ты живёшь».

Он набрал: «ты тоже не забудь». Подумал и добавил: «ухо при мне».

* * *

Дождь к вечеру усилился.

Улица блестела. Фонари лежали на мокром асфальте жёлтыми лужами, и Кирилл шёл по краю тротуара, обходя их, по привычке, оставшейся с детства. Сумка с платой оттягивала плечо. Он думал о линии данных и о том, что завтра в десять найдёт эту дрожь, а вечером Нина посмотрит на работающий модуль и скажет что-нибудь едкое, а глаза у неё будут довольные.

У соседнего дома раздался глухой удар.

Потом голос. Испуганный, сорванный.

Кирилл остановился. Возле припаркованной машины, в тени между фонарями, двое держали третьего. Парень в серой толстовке, совсем молодой, дёргался и оглядывался на тёмный подъезд. Один из мужчин тряс его за грудки, и капюшон смешно и страшно хлопал парня по лицу.

«Отпусти!» — крикнул парень.

Его ударили. Коротко, деловито, как работают люди, для которых это не событие, а технологическая операция.

Кирилл стоял и знал, что сейчас произойдёт внутри него. Сначала предложение пройти мимо, обоснованное, взрослое: ты не знаешь, что там, у тебя плата в сумке, завтра в десять у тебя запись в журнале. Потом воспоминание о том, как четыре минуты и капля припоя вернули голос радиоприёмнику. А потом ноги сами понесут его через улицу, потому что на его глазах ломали то, что ещё можно спасти.

Он успел рассмотреть их вполне отчётливо, на всю жизнь, как выяснилось. Тот, что держал парня, был большой, в кожаной куртке, с привычным лицом человека, который делает это не впервые. Второй, жилистый, стоял на шухере и крутил головой, и от его головы ощутимо пахло страхом и чем-то горьким. Парню в толстовке было лет семнадцать, не больше: через плечо у него висела сумка со значком какой-то группы, и эта сумка почему-то решила для Кирилла всё.

Ноги понесли. Он успел только достать телефон.

«Иди куда шёл», — сказал один из мужчин, не поворачиваясь.

«Отпусти его».

Теперь повернулись оба. Кирилл слышал собственный голос и отмечал про себя, что звучит тот неплохо, почти уверенно. Интересно, из чего собрана эта уверенность, если внутри её в помине нет.

«Ты кто такой?»

Хороший вопрос. Не полицейский. Не охранник. Не человек, умеющий драться: в последний раз он махал кулаками в седьмом классе и тогда проиграл девочке. Он был человеком, который чинит чужие вещи.

«Я уже вызвал помощь», — сказал он. Соединение ещё даже не началось, но врал он сейчас старательно, с оглядкой на приз жюри.

Парень в толстовке использовал паузу лучше всех присутствующих: рванулся, высвободил руку, ткнул кого-то локтем наугад.

«Беги!» — крикнул Кирилл.

Парень побежал. Пятки мелькнули в жёлтой луже света, гася её брызгами, и исчезли за углом. Один из мужчин шагнул было следом, но второй дёрнул его за рукав. Они остались с Кириллом наедине: два злых человека и один, у кого в руке телефон, а в сумке плата, завёрнутая в полотенце.

«Ты зря влез».

«Возможно».

Надо было уходить. Сейчас, быстро, не поворачиваясь спиной. Он понимал это ясно, схемой, от и до: вход, выход, последствия. Он даже сделал шаг назад. Но мужчина шагнул вперёд, и дистанция схлопнулась, как схлопывается искровой зазор.

Кирилл поднял телефон.

«Не подходи».

Дальше всё случилось быстро и очень просто. Короткое движение, которого он даже не разглядел. Боль пришла не сразу, а с опозданием, как ошибка, всплывающая на экране спустя секунды после нажатия кнопки. Телефон ушёл из пальцев и стукнул об асфальт.

Он попытался удержаться на ногах. Ноги отказали без объяснений.

Мужчина отступил. Второй что-то крикнул ему, коротко, зло, кажется, «ушли». Шаги зашлёпали по воде и растворились между машинами.

А из-за угла, откуда исчез парень, уже бежали другие шаги, быстрые, и его же сорванный голос звал: «Сюда! Вот сюда!» Он не убежал насовсем. Он побежал за людьми. Кирилл хотел крикнуть, что всё в порядке, парень, ты молодец, но выяснилось, что кричать он больше не умеет.

Кирилл опустился на колено. Потом на второе. Дождь падал на затылок, холодный, настойчивый, и это было почти хорошо: пока чувствуешь холод, работаешь. Во рту стояла медь. В ухе журчала вода, собираясь в сток, и журчание это

было удивительно громким, громче собственного дыхания.

Кто-то распахнул дверь подъезда и окликнул его. Женский голос, испуганный, потом тот же голос говорил уже в трубку, называл адрес и повторял «скорее, скорее». Кто-то подсунул ему под голову сложенную куртку. Ответить не получилось: на выдох ушло всё внимание, и на слова его не осталось.

Телефон завибрировал под пальцами. Входящее сообщение, он знал от кого. Нина писала в это время всегда, между пациентами: «ну что ты там». Экран ещё светился, треснувший по диагонали, но живой. Трещина делила её имя ровно пополам.

Нужно было позвонить. Сказать, что плату он принесёт позже. Что третий режим придётся проверить не завтра. Что дрожь на линии он, кажется, всё-таки локализовал, пусть посмотрит в тетради, страница перед последней.

Что идеального момента действительно не будет, она была права, и это, пожалуй, единственная партия, которую он готов признать проигранной без обсуждений.

Пальцы не слушались. Они ещё двигались, но уже не по команде, а по памяти, медленно, сквозь вату.

Где-то далеко набирала голос сирена. Женщина из подъезда наклонилась над ним, что-то говорила, и по лицу её было видно, что говорит она ободряющее, а по глазам — что глаза с ободряющим не согласны. Кириллу хотелось её успокоить. Он всю жизнь успокаивал людей насчёт их вещей: не

переживайте, это чинится. Сейчас фраза не складывалась.

Рядом опустился на колени парень в серой толстовке. Лицо у него было мокрое, и не от дождя.

«Держитесь». Парень повторял это, как молитву, которую выучил только что. «Держитесь, слышите. Меня Денис зовут. Вы меня слышите? Держитесь».

Вот и познакомились, подумал Кирилл. Жаль, что на выезде.

Осталась одна ясная мысль, ровная, как хорошо пропаянная дорожка: ведь он ещё не закончил.

Свет фонаря расплылся жёлтой лужей, подрожал и исчез.

* * *

Сначала не было ничего.

Ни боли, ни холода, ни тела, которому полагалось болеть и мёрзнуть. Кирилл попытался понять, лежит он или падает, и обнаружил, что вопрос лишён смысла: не на чем лежать и не во что падать.

Потом возникло движение.

Его трудно было назвать движением, потому что он не перемещался из точки в точку. Скорее сами точки кончились, и он оказался внутри этого события. Его затягивало. Не вверх и не вниз, а туда, где расстояние перестало значить что-либо вообще.

Он попробовал собрать себя обратно из памяти, как собирают схему по обрывкам монтажа. Нина. Тетрадь. Мокрый асфальт. Парень в серой толстовке, который успел убежать.

Хотя бы это.

Обрывки мелькали и гасли. Уходили по очереди, и у каждого была своя очередь: сначала перестали пахнуть канифоль и кофе, потом разучились тикать чужие часы, потом распалась на пиксели нинина улыбка. Дольше всех держалась строчка «завтра, 10:00». Кирилл цеплялся за неё, как за последний контакт на о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.